

Борис Минаев

Новая этика, слон и гиппопотам

На ютубовском канале МХТ имени Чехова благодаря карантину появились замечательные редкости — такие, например, как «Мишин юбилей», спектакль 1994 года.

Наверное, вряд ли бы до него дошли руки и добрался глаз театрала, если б не эти лихие времена, когда театры закрыты.

Театр 90-х, переходное время. Трудно мне сказать, может, и ставят «Мишин юбилей» еще где-то — за рубежом, в провинции, в других республиках — но в Москве я что-то давно его в афишах не видел. Да и то сказать — странная пьеса! И в странное время поставленная. Уже не перестройка, но еще не «наши дни». Нет уже темы. Разрушение советской реальности, гниение прежней привычной жизни, но и новое время еще до конца не наступило, и еще никто не знает, что оно в себе несет. Какой-то сквозняк, как если бы в гостиничном номере одновременно открыли и дверь, и окно.

Действие, кстати, происходит 20 августа 1991 года, именно в гостинице — под названием «Украина»; а за окном гостиницы «Украина» — Белый дом, танки, путч, исторические, словом, события.

...Пьеса, впрочем, совсем не о политике. Вообще, она неровная, местами почти гениальная, местами слишком уж «сегодняшняя», сиюминутная, становящаяся то фарсом, то анекдотом, то карикатурой.

Но кто играет, боже мой! И как они играют!

Наверное, ради актерского состава и выложили — подумал я. Как экспонат музея, как артефакт того удивительного коллектива, того МХТ, который сложился в конце 80-х после раскола на два театра.

Судите сами: Станислав Любшин, Андрей Мягков, Татьяна Лаврова, Вячеслав Невинный, Анастасия Вознесенская, Евгения Добровольская, Алексей Жарков, Евгений Киндинов... И все в одной, так сказать, мизансцене, в одном ансамбле. Даже сквозь эти прошедшие четверть века, сквозь все огрехи чудом сохранившейся картинке идет от них такая бешеная энергетика, такой они демонстрируют высокий класс мастерства, что поневоле цепенеешь у экрана.

Впрочем, даже не в энергетике и не в мастерстве тут дело. Через их голоса и лица разговаривает с тобой как бы вся советская эпоха, со всеми мифами, со всеми потемневшими от времени глубинами памяти — смотришься в них как в зеркало, и сам себе не можешь поверить.

Вот Лаврова — удивительная, все еще молодая в том 1994 году, та же самая женщина, что глядит на себя в зеркало в фильме «Девять дней одного года». С той же ломкой интонацией, той же хрипотцой в голосе, тем же очарованием. Вот Киндинов, пусть немолодой, но все такой же обаятельный, как в «Романсе о влюбленных» или

в «Городском романсе», везло же ему с романсами. Ну в Андрее Мягкове понятно кого мы узнаем, какие фильмы видим — «Ирония судьбы», «Служебный роман», как будто сразу возникает вкус советского шампанского и салата оливье, гордая нищета советского быта, загнанное достоинство советской интеллигенции.

Станислав Любшин... Человек, умевший одновременно находиться в настолько разных мирах, в разных ипостасях — и разведчик в шпионской эпопее «Щит и меч», и наш человек на другой планете в комедии «Киндзадза».

Любимцы народа, кумиры поколения.

Все это ты слышишь в диалогах «Мишиного юбилея», в их сценической речи — весь этот советский гул времени. Удивительно.

Но кто же им слова-то написал?

Александр Исаакович Гельман, автор пьесы, человек вообще очень важный и для той эпохи, и для Художественного театра, и вообще для всей нашей культуры. Автор пьесы под названием «Заседание парткома». Казалось бы, под дулом автомата зрителя не заманишь на пьесу с таким названием, однако — аншлаг, фурор, экранизация с Евгением Леоновым в главной роли («Премия», помните, был такой советский фильм?), ну и далее блестящая карьера и в театре, и в кино — «Мы, нижеподписавшиеся», «Скамейка» и много чего еще. У Гельмана тех лет была удивительная особенность — любой сюжет, любой диалог, любой конфликт, даже производственный, скучный, бытовой, он разматывал с такой степенью дотошности, что постепенно и диалог, и конфликт превращались в повествование о самых глобальных вещах, практически в эпос, и захватывал зрителя с предельной силой. Ну, скажем — речь бригадира на заседании парткома о том, что «нам ваша премия не нужна, потому что это несправедливо, и вообще вы работать не умеете», превращался у Гельмана в разговор о сути идеалов, об основах жизни, и казалось, что от того, подпишет он там что-то или не подпишет, этот самый бригадир, зависит всё, зависят все наши надежды.

Ну а в «Мишином юбилее», где сюжет совсем уж анекдотичный, частный, нелепый, Гельман, разматывая диалоги и конфликты, эти наши перестроечные надежды уже почти похоронил...

И вот, оказывается, как это было!

Некий Миша (Любшин) собрал на свой 60-летний юбилей двух своих бывших жен и одну будущую — совсем молодую еще девчонку (соответственно, женщин играют Лаврова, Вознесенская, Добровольская). Ну вот такая блажь человеку в голову пришла. Жены пришли с мужьями, одна — еще и со взрослой дочерью. Мише, впрочем, все это нипочем.

Потратив, как написано в пьесе «последние деньги», этот «директор заводского музея» из города Горького (то есть Нижнего Новгорода) снял шикарный номер в гостинице «Украина», заказал роскошный ужин, а тут грянул путч. (Что за таинственный музей и откуда деньги, кстати, так и остается загадкой).

Одна нелепость наслаивается на другую, несообразности громоздятся: в соседнем номере — американка, потерявшая взрослую внучку на баррикадах у Белого дома, да, она почти не говорит по-русски, но они с Мишей друг друга почему-то понимают, хотя и не всегда правильно, из чего вырастают новые нелепости; гости, несмотря на путч, все-таки приходят, Миша дарит им ключи от какого-то дома, который построил на берегу Волги; предлагает бывшим женам «жить всем вместе», они от такого предложения едва ли не в обморок падают; официанты носят туда-сюда тарелки и хотят заработать заветные доллары; за окном гудит исторический день, музыка из «Лебединого озера», голоса из той самой трансляции «Эха Москвы»; среди гостей юбиляра кто-то за Ельцина, кто-то против него... — это все, вообще, о чем?

В октябре 1993 года Гельман подпишет знаменитое «Письмо 42-х», письмо писателей, которые просили президента Ельцина остановить мятеж, навести порядок, за это многих из них потом прокляли в «патриотических» кругах, хотя были среди подписавших и академик Лихачев, и Булат Окуджава, и Белла Ахмадулина; встретив Гельмана не так давно, я спросил, не жалеет ли он о той подписи, он ответил, что нет, не жалеет, и четко объяснил причины. У меня от сердца отлегло — конечно, согласен, тогда это нужно было делать. И тем не менее, посмотрев сегодня «Мишин юбилей» — не тогда, а именно сейчас, я вдруг понял, что автор пьесы относится к идеалам или, так сказать, к знаменам 1991 года — уже совсем иначе, уже с учетом всего дальнейшего. Он уже понимает, насколько все иначе, какой девальвации эти идеалы подверглись, пропускает те исторические события сквозь фильтр иронии. И удивительны тут, конечно, в пьесе его пророчества.

Вот старший официант (его играет Вячеслав Невинный) говорит: «Чем раньше начнут сажать, тем больше посадят». И вообще, «рано или поздно все равно придется наводить порядок». Вот только что приехавшая из Америки вторая жена Миши (Анастасия Вознесенская) мечтает открыть в Москве галерею современного искусства, вот хочет создать «совместное предприятие», «открыть свое дело», — как это все понятно и знакомо. Вот ее муж Валера (его играет Андрей Мягков), бывший советский сценарист, сует американке Мэри из соседнего номера (Ольга Барнет) свои визитки. Вот младший официант (Вячеслав Невинный-младший) предлагает американцам «обеспечить безопасность» за доллары. Распадающаяся реальность, натужный комизм ситуации, мелькание поз, суета слов.

Однако есть в «Мишином юбилее» характер, который все эти разнородные элементы объединяет вокруг себя. Это сам Миша в исполнении Любшина. Огромное мужское эго. Человек-праздник. Необыкновенно красивый мужчина, в красоте и обаянии которого и заложен весь его талант. Непрактичный, нерациональный, слегка безумный. Человек, который хочет, чтобы его любили вообще все. Каждое слово, даже каждая глупость которого так прекрасны и так значительны, что хочется ему все простить, все отдать. Человек притягивающий. Человек магический. Настоящий русский красавец.

Почему Гельман именно тогда, в 94-м, нашел этот тип? Почему именно он, вопреки всей правде жизни, оказался на фоне этих баррикад, этого восставшего народа, почему именно он у Гельмана провожает в дальний путь, в темное небытие — всю советскую эпоху?

Мне кажется, Гельман почувствовал тут не только некую «усталость от политики» (и уж, конечно, от экономики).

Прозрение Гельмана было в том, что политический режим падет, и следующий, и тот, что после него, падут тоже, а Миша-то останется. Останется этот русский тип (один из вечных русских типов), в которого влюбляются бабы, который органически не способен устроить жизнь вокруг себя разумно, для которого нет ни ответственности, ни карьеры, а есть только зыбкая мечта о счастье и вера в свою безграничную внутреннюю силу.

То есть Миша.

Человек, которого автор нашел в закоулках Лескова и Достоевского, в изломах Чехова, в советском исходе из старой реальности. Такие люди, собственно говоря, и творили нашу историю — и в бизнесе, и в политике. Оттого, быть может, и была эта история столь странна и не разгадана до сих пор.

Разобьются об этот человеческий материал и демократия, и диктатура, и не возьмет его любой закон, и любая Конституция. И любое вообще устройство вселенной.

Мише главное — чтоб все его любили. И нет в этом ничего смешного, карикатурного, мелко-эгоистического. Это огромный внутренний запрос, просто ни на что другое Миша, увы, не способен — только устраивать себе вечный «юбилей».

...Смотрю сейчас на этого Мишу, на то, как блестяще и тонко играет его Любшин, как делает этот характер весь актерский ансамбль. Эх, скоро растворится весь этот постсоветский блеск в холодной неустроенности 90-х, другие актеры, другие театры будут востребованы. И думаю: ну а что ж сейчас-то с Мишей? Где он?

Вроде же никуда он не может деться. Ничего с ним не может произойти.

Однако, нет. Может.

И уже, наверное, произошло. На такую мысль меня, как ни странно, натолкнула видеозапись другого спектакля — «По следам Снежной Королевы», театра «Уголок дедушки Дурова». Я ходил-бродил по интернету в поисках, что бы мог посмотреть когда-нибудь один маленький ребенок про зверей, нашел МХТовского же «Конька горбунка», прекрасная вещь, но все-таки Горбунок не совсем зверь, а, скорее, мифологическое создание. И вот наконец набрел на эту запись.

Знаете, сцена в «Уголке дедушки Дурова» очень маленькая. Зрители сидят довольно близко. Галдят, шелестят конфетами. Дергают за руку родителей. Представьте же мой шок, когда прямо на них, фактически выкатывается целый гиппопотам и начинает выделывать кренделя, прыгать по краю сцены туда-сюда, крутиться, вертеться, а весу-то в нем многие центнеры, и зверь-то дикий очень. А слон, который встает на передние ноги, как акробат! Который танцует в трех метрах от галдящих малышей. Ужас. Или восторг.

И почему-то мне вспомнился вдруг Миша в изображении актера Любшина.

Что они делают там, с этими зверями? Насколько эта дрессировка оправдана с этической точки зрения? Говорят ведь, и какая-то «новая этика» появилась, еще более строгая, чем старая. По «новой этике» это же совсем ужасно. По ней даже на самолетах лучше не летать, или летать раз в год, а уж заставлять зверей выделывать такие штуки — это совсем бессовестно.

От «новой этики», связанной с экологией, с разумным потреблением, с уважением ко всем слабым и угнетенным, мысль перекинулась на социальные отношения. «Белый, гетеросексуальный, с высшим образованием» мужчина, поведение которого, увы, обусловлено всеми этими обстоятельствами, — это, конечно, сейчас такой вот слон в «Уголке дедушки Дурова». Миша, танцующий на передних лапах. И дело не в том, конечно, что вид Любшина, который властно обнимает за плечи всех своих трех жен, так разительно противоречит «новой этике»... И сам вид этих жен, которые шутят сами над собой, что у них образовалась фирма «БМЖ» (бывшие Мишины жены), и его «проект» («почему нам всем не пожить вчетвером») — с точки зрения «новой этики» тоже эстетическая нелепость. Да что там нелепость, это оскорбительное и невежественное деяние драматурга. И режиссера. И актера.

Миша, вся жизнь которого — это сплошной, непрекращающийся харрасмент, оказался бы сегодня в жалкой ситуации. И да, конечно, как же он преступно и нелепо выглядит с этим своим «проектом» для семьи из бывших и будущих жен — на фоне «новой этики».

Нет. Сегодня ему предстоит, как слону, стоять на крошечной тумбе. И радовать глаз детворе.

Жалко ли мне его, этого Мишу? Сложный вопрос. Давайте сначала доживем до конца карантина.